

Лейкин Николай Александрович

Веселые рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Веселые рассказы / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 462 с.

ISBN 978-5-519-92925-7

ISBN 978-5-519-92925-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПО СОВРЕМЕННОМУ

(РАЗСКАЗЪ).

Было зимнее воскресное утро. Молодой купчикъ Семенъ Миронычъ Калинкинъ собирался къ обѣднѣ и повязывалъ себѣ въ залѣ, передъ зеркаломъ, галстукъ. Въ спальной шуршала юбками его молоденькая жена.

— Шубку мнѣ къ обѣднѣ-то надѣть или чернобурий салопъ? спрашивала она мужа.

— Зачѣмъ шубку? Въ шубкѣ прошлое воскресенье были. Салопъ надѣнь, а то наши рыночники могутъ подумать, что мы его заложили.

— Стало быть, и браслетку бриллиантовую надѣть?

— Вали и браслетку! Мужу кредиту больше. Оно, конечно, сегодня холодно, но все-таки, раза два-три руку-то выставить будетъ можно.

— А бриллиантовые серьги?..

Но въ это время раздался звонокъ. Разряженная Калинкина выбѣжала изъ спальной въ залу и начала загля-

дывать въ прихожую. Въ залу вошелъ молодой человѣкъ съ закрученными усиками. Онъ былъ въ синемъ суконномъ кафтанѣ на распашку, въ красной рубахѣ, плисовыхъ шароварахъ и высокихъ сапогахъ. Бросивъ на стулъ шапку, онъ началъ раскланиваться.

— Николай Иванычъ! Какими судьбами?... Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Съ самой нашей свадьбы не бывали, а ужъ этому полгода будетъ! воскликнула Калинкина.

— Да, невозможно было-съ! отвѣчалъ онъ.—Сначала по покойникѣ тятенькѣ шесть недѣль справляли; потомъ, дорвавшись до гулянки, по клубамъ началъ чертить, а теперь свою собственную жизнь по современному устраиваю. Вѣдь у насъ при тятенькѣ какая была жизнь? Цѣлый день на фабрикѣ, либо въ конторѣ, а въ десять часовъ ужинъ и на боковую. А теперь не то, теперь у меня все по современному.

— Слышалъ, слышалъ, что ты чудишь. Зачѣмъ это въ такомъ костюмѣ-то? спросилъ Калинкинъ.

— Это я славянофиламъ подражаю. У меня теперь все по современному! Вотъ теперь Рождественскій постъ, а для меня дома скоромное стряпаютъ. Будетъ, достаточно тятенька надъ налимъ братомъ потиранствовали! У меня теперь на квартирѣ при фабрикѣ и библіотека своя, и физика, и химія. Вчера на чердакѣ обсерваторію устроилъ и телескопъ поставилъ. Литератора при себѣ держу. Это по теперешнему мой первый другъ. Мы съ

нимъ и букашекъ разсматриваемъ и луну... Птицъ моримъ и потомъ оживляемъ и все эдакое... Заливаловъ фамилія. Помнишь, мальчишки на Невскомъ книжку «Волчій зубъ» продавали, — такъ вотъ это его сочиненіе. Умнѣйшій человѣкъ! Теперича по утру онъ какъ встанетъ, чаю — ни-ни, а вотъ эдакой стаканъ водки... Мы думаемъ съ нимъ даже газету издавать...

— Отлично. Ну, садись!

— Ни Боже мой! Я на минутку. Я пріѣхалъ, чтобъ пригласить тебя въ Николинъ день ко мнѣ на именины. Будетъ литературный, физическій и химическій вечеръ. Четыре бутылки одного киршвассеру для жженки купилъ. Пріѣдешь?

Калинкинъ взглянулъ на жену. Гость продолжалъ:

— Васъ, Анна Андревна, я не приглашаю, потому у меня холостой пиръ. Конечно, ежели бы вы были дама современная, то вамъ это наплевать... По современному, даже и дѣвицы къ холостымъ ѣздятъ. Впрочемъ, милости просимъ, можете съ моей маменькой посидѣть, только не совѣтывалъ бы, потому тоска.... Маменька у насъ теперь въ такомъ сюжетѣ, что у нихъ послѣ пятого слова сейчасъ покойникъ тятенька пойдетъ, и ужъ какъ затянуть этотъ карамболь, такъ шабашъ! — до втораго пришествія... Такъ пріѣдешь, Семень Миронычъ?

Калинкинъ замаялся.

— Да не знаю, право... Слова не даю. Ты самъ знаешь, я теперь человѣкъ женатый.

— Неловко ему одному... докончила жена. — Всего полгода женаты и вдругъ безъ жены... Онъ и не пьетъ нынче... Къ тому-же къ вамъ на фабрику и далеко, оттуда ночью и извозчиковъ не найдешь. Еще ограбятъ, пожалуй!

— Насчетъ этого не сомнѣвайтесь, прервалъ гость. — Я пришлю за нимъ свою лошадь и на ней же обратно доставлю. Мой кучеръ Михайло—самая вѣрная Личарда. Онъ у меня теперь все: кучеръ, лакей, при химіи и физикѣ состоитъ и во всѣхъ передѣлахъ со мной бывалъ. Согласны?

— Да неловко, Николай Ивановичъ! Ну, сами посудите, что я безъ него цѣлый вечеръ дѣлать буду?

— А вы тѣмъ временемъ поспите. Чудесно! Анна Андревна, на колѣняхъ васъ умоляю!

Гость всталъ на одно колѣно.

— Ахъ, срамъ какой! Что вы! Встаньте! взвизгнула Калинкина и бросилась поднимать его.

— До тѣхъ поръ не встану, пока не дадите согласіе!

— Согласна, согласна, только какъ онъ... Онъ и самъ не хочетъ.

Гость вскочилъ съ колѣнъ. Калининъ взглянулъ на жену.

— Развѣ ужъ для того только, чтобъ литератора по-смотреть, сказалъ онъ ей.—Помнишь, Аня, мы читали его книжку «Волчій зубъ»?

— Это что таракановъ-то въ землѣ нашли? спросила она.

— Нѣтъ «Волчій зубъ», красненькая книжка? Еще Петръ Семенычъ въ пьяномъ видѣ читалъ?

— Ахъ, помню, помню! Насчетъ того, какъ цыгане дѣвочку украли?

— Совсѣмъ не въ ту центр! отозвался гость. — Ну, да наплевать! Прощенья просимъ! Пора! Прощай, Сеня! Въ семь часовъ я приплю за тобой лошадь. Радъ, что ты, по-крайности, согласишься, какъ люди по-современному живутъ.

— Главное, къ вину его не приневоливайте и къ двѣнадцати часамъ домой доставте... упрашивала Калинкина.

— Какъ рѣдкій бриллиантъ доставимъ! Прощай! Прощайте!

Гость раскланялся и исчезъ.

Про купеческаго сына Николая Иваныча Переносова, всѣ его родные и знакомые въ одно слово говорили, что онъ пустой человѣкъ. И въ самомъ дѣлѣ, оставшись послѣ смерти отца, человѣка суроваго и строгаго, недозволявшаго сыну ни малѣйшихъ развлеченій. Переносовъ совсѣмъ пересталъ заниматься дѣломъ. Фабрикой управлялъ

приказчикъ, а онъ только и дѣла дѣлалъ, что разѣзжалъ по трактирамъ, по театрамъ и клубамъ. Въ одномъ изъ трактировъ онъ познакомился съ нѣкимъ Заливаловымъ, въ сущности праздношатающимся человѣкомъ, но который, однако рекомендовался ему какъ литераторъ и адвокатъ. Въ трактирѣ Заливаловъ былъ «завсегдатаемъ», держалъ себя очень развязно, присосѣдивался къ угощенію загулявшихъ купцовъ, показывалъ имъ разные фокусы съ серебрянными монетами и, напившись пьянъ, кричалъ «всѣхъ пропечатаю», вслѣдствіе чего приводилъ купцовъ въ немалый трепетъ, и они тотчасъ-же старались или дать ему взаймы рубля два-три или проиграть ихъ ему въ орлянку. Между трактирной прислугой про него ходила молва, что «онъ у мировыхъ такой свѣдущій человѣкъ, что даже и виноватаго можетъ сдѣлать правымъ». Знакомство Переносова съ Заливаловымъ началось съ того, что тотъ его обыгралъ на бильярдѣ на пять рублей и подарилъ ему свою книжку «Волчій зубъ». Переносовъ тотчасъ же потребовалъ бутылку «шипучки въ бѣломъ клубкѣ» и сообщилъ, что давно уже ищетъ случая познакомиться съ умными людьми, а въ особенности съ литераторами. При слѣдующей встрѣчѣ, Заливаловъ говоритъ уже Переносову «ты», прямо требовалъ отъ него угощенія и повезъ его наблюдать воровскіе нравы въ трактирѣ «Малинникъ», послѣ чего они попали въ Екатерингофъ, а на утро Переносовъ и самъ не знаетъ, какъ

литераторъ Заливаловъ очутился у него спящимъ въ его кабинетѣ. Съ этого дня онъ не покидалъ уже болѣе Переносова и поселился у него. Каждый день придумывалъ онъ какую-нибудь новую закуску или настой для водки, при чемъ, при выпитіи первой рюмки, стрѣлялъ изъ пистолета холостымъ зарядомъ, научилъ Переносова варить жженку, жарить бивштексъ на прованскомъ маслѣ и разгрызать рюмку безъ видимаго ущерба для рта. Переносовъ былъ отъ него въ восторгѣ.

— Я тебя и въ литераторы выведу, только тебѣ надо жить иначе, говорилъ ему Заливаловъ. — И въ самомъ дѣлѣ, человекъ ты богатый, а живешь свинья-свиньей. Развѣ такъ живутъ современные люди?

— А то какже? Сдѣлай милость, научи! Я всегда готовъ, отвѣчалъ Переносовъ.

— Прежде всего развѣ можетъ быть кабинетъ безъ книгъ? Книгъ купить надо!

— Такъ только развѣ за этимъ дѣло? Сейчасъ-же поѣдемъ и купимъ. Книжку почитать на ночь прелюбезное дѣло! Это я люблю.

Пріятели отправились за книгами и, кстати, купили и электрическую машину съ приборами. По приѣздѣ домой, Заливаловъ началъ Переносову показывать разные опыты съ электрической машиной и лейденской банкой и привелъ его въ восторгъ.

— Это вотъ физика называется, сказалъ онъ ему, — а тамъ химію заведемъ. Будемъ добывать газъ. Однимъ газомъ будемъ морить птицъ, а другимъ оживлять ихъ.

— Другъ, заведи, ради Христа! ѣдемъ сейчасъ покупать эту самую химію!

Черезъ двѣ недѣли кабинетъ Переносова совсѣмъ преобразился. Тутъ были шкапы съ книгами въ сафьяныхъ переплетахъ, столы съ физическими инструментами, колбы, реторты, химическіе препараты въ банкахъ, тигли, «анатомическій человѣкъ» изъ папье-маше, жабы и змѣи въ спиртѣ, чучелы летучихъ мышей, а въ углахъ помѣстились два человѣчьи скелета на подставкахъ.

Переносовъ жилъ не одинъ въ домѣ. Съ нимъ вмѣстѣ жила его мать старуха, которой отецъ Переносова отказалъ послѣ своей смерти все состояніе; слѣдовательно, сынъ, въ денежномъ отношеніи, былъ въ полной зависимости отъ нея. Появленіе въ ихъ домѣ литератора сильно ее опечалило.

— Споить онъ его, споить, мерзавецъ! плакалась она о сынѣ своимъ приживалкамъ, но въ деньгахъ сыну на его затѣи все-таки не отказывала, хотя и давала ихъ ему послѣ сильнаго спора; когда-же, въ одинъ прекрасный день, сынъ явился домой вкупѣ съ литераторомъ пьяный и привезъ скелеты и летучихъ мышей, то она окончательно возмутилась.

— Вонъ! Все вонъ! Да и ты, господинъ литераторъ, проваливай! кричала она.—Гдѣ-жъ это видано, чтобъ въ христіанскомъ домѣ и вдругъ эдакую пакость?... Вѣдь здѣсь, чай, образа есть!..

Литераторъ скрестилъ на груди руки и крикнулъ Переносову:

— Николай, что тебѣ дороже: мать родная или образованіе?

— Разумѣется, образованіе! отвѣчалъ Переносовъ.— Маменька, неужто я изъ-за вашихъ глупостей и предразсудковъ долженъ всей современности лишиться? У насъ, въ домѣ, есть еще верхній этажъ, переѣзжайте туда, да и живите себѣ спокойно. Вы хотите сѣрымъ образомъ жить, а я этого не желаю.

— Знать ничего не хочу! Тащи вонъ шкилеты! А нѣтъ, я позову фабричныхъ и тѣ все вонъ выпшвырнуть!

Литераторъ крякнулъ, погладилъ бороду и сверкнулъ глазами.

— А по силѣ двадцать двѣ тысячи восемьсотъ тридцать шестой статьи знаете за эти вещи-то что бываетъ?— съ разстановкой и строго произнесъ онъ.

— Маменька, не дразните его! воскликнулъ Переносовъ.—Онъ адвокатъ, у всѣхъ мировыхъ свой человѣкъ и всѣ законы, какъ свои пять пальцевъ знаетъ. Онъ васъ въ Сибирь можетъ упечь за ваши дѣйствія.

Мать испугалась, заплакала, и, опершись на плечи приживалокъ, поплелась въ свою комнату. На другой день она перебралась въ мезонинъ, а сынъ остался жить въ нижнемъ этажѣ.

Литераторъ Заливаловъ былъ при Переносовѣ безотлученъ. Каждый день онъ придумывалъ новыя забавы: то морилъ въ азотѣ птицъ и оживлялъ ихъ въ кислородѣ, то дѣлалъ взрывъ какого-нибудь газа, то созывалъ фабричныхъ и, составивъ изъ нихъ цѣпь, разряжалъ въ нихъ лейденскую банку. Фабричные, получивъ отъ электрической искры толчокъ, присѣдали и вскрикивали, послѣ чего имъ давалось по рюмкѣ водки и они отпускались на фабрику. Не забывали себя разной хмѣльной дрянью и хозяинъ съ товарищемъ и уже къ вечеру никогда не были трезвы.

Видя все это, мать сильно огорчалась.

— Да вамъ бы женить его, Пелагея Дмитриевна! говорили ей про сына знакомые.

— Пробовала, голубчики мои, да ничего съ нимъ не подѣлаешь, — отвѣчала она. — Хорошую дѣвушку и богатую ему предлагала, да развѣ онъ путный?.. Твердить одно: ужъ коли женюсь на комъ, такъ женюсь по-современному, на актрисѣ. И осрамить меня: жениться на актрисѣ, я это знаю! Какъ бы вотъ литератора отъ него этого спровадить? Да нельзя никакъ! Я ужъ и отступнаго ему пятьдесятъ рублей давала. Чтожъ вы думаете?